

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ВОР

Пьеса в двух действиях.

Действующие лица

МАТВЕЙ - 42 года

ЮРИЙ - 22 года

Действие пьесы происходит в огромной трехкомнатной квартире. Вернее, только на кухне и в прихожей этой квартиры.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Огромные, с высокими потолками, комнаты в трехкомнатной квартире погружены в темноту. Только очертания мебели угадываются в сумраке. Мебель сдвинута в центр, накрыта тряпками, газетами. И зеркала тряпками закрыты. Люстры обернуты старыми простынями. В большой комнате люстра снята и на ее месте торчит в потолке крюк.

В квартире идет ремонт. Чудовищный беспорядок везде и во всем.

В комнаты ведут огромные, высоченные двери. Краска с них содрана ножом. Обои сорваны.

На время ремонта хозяева переместились в кухню и в коридор. Коридор очень большой, хоть на велосипеде кататься. Здесь же стоит раскладушка. Кухня тоже не маленькая. Шкафы, холодильник, газовая плита. У окна на кухне диванчик. На столе горит настольная лампа.

Ночь. Около двух часов. Да, ровно два: старинные напольные часы, стоящие в углу гостиной, накрыты тряпкой, но время они продолжают выбивать гулко и тревожно: два раза, два удара...

За столом на кухне, чуть освещенные сумеречным светом настольной лампы, сидят друг против друга МАТВЕЙ и ЮРИЙ. ЮРИЙ в осенней куртке. Только что, видимо, с улицы. Куртку не снимает. МАТВЕЙ в свитере с красными ромбами.

Оба беспокойно, как-то очень нервно курят, глотая дым и не спуская друг с друга глаз. Между ними на столе чашки, чайник, сахарница.

Матвею - сорок два года. Выглядит... Ну и выглядит на сорок два. ЮРИЙ - моложе его на двадцать лет...

МАТВЕЙ. *(негромко.)* Ты кто, скажи мне, пожалуйста?

ЮРИЙ. *(улыбается.)* Как - кто? Человек, кто же еще. Такой же человек, как и вы. Вот так. Во-от...

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ. А чего у магазина стоял? *(Пауза.)*

ЮРИЙ. Ну?

МАТВЕЙ. Смотрел так... Нехорошо.

ЮРИЙ. *(смеется.)* Как это?

МАТВЕЙ. Ну, пристально очень. Пристально смотрел туда, в магазин. Что, грабануть его хотел? Да? Нет?

ЮРИЙ. *(помолчал.)* Красивые картинки смотрел. Рассматривал.

МАТВЕЙ. Там красивых картинок нет.

ЮРИЙ. Есть.

МОЛЧАНИЕ.

Вот и рассматривал.

МАТВЕЙ. В два часа ночи?

ЮРИЙ. А что? Днем не успел. Днем мимо все бегал. А ночью - самое то: подойти, посмотреть, полюбоваться. Не спеша. Вот так... Во-от...

МАТВЕЙ. Ясно. Не спится?

ЮРИЙ. Да. Не спится. Что делать.

МАТВЕЙ. Это в твои-то годы?

ЮРИЙ. А где у вас жена? Вы ведь женаты?

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ. *(смотрит на Юрия.)* Она работает в ресторане. Пока выручку подсчитает, то да се... Приезжает поздно, спит до обеда...

ЮРИЙ. Ага. Ясно. А вы, стало быть, таксист?

МАТВЕЙ. *(молчит.)* С чего ты взял?

ЮРИЙ. Ну, у вас такая квартира. Прямо катакомбы. То есть, наоборот, да? Большая. Я таких не видел даже никогда... Сталинское барокко называется! *(Смеётся.)* Ну, и положено так: если жена официантка, то муж - обязательно должен быть таксист. Для равновесия, понимаете?

МАТВЕЙ. Нет, я не таксист. К сожалению. Наверное, если бы был таксист, мы бы с ней жили душа в душу, в равновесии... Но вот...

ЮРИЙ. Ясно. А вы не живёте?

МАТВЕЙ. А мы - не живем. *(Пауза.)* Я работаю инженером. На скучной работе. Сбежал в отпуск, слава тебе, Господи. Ремонт вот занимаюсь. Во-от... Мог бы вообще не работать...

ЮРИЙ. Ну, правильно. Зачем?

МАТВЕЙ. То есть?

ЮРИЙ. Ну, если у вас жена официантка - зачем вам работать? *(Смеётся.)* Можно и дома сидеть, правильно?

МАТВЕЙ. Правильно. Можно и дома сидеть.

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. Что?

МАТВЕЙ. Что?

ЮРИЙ. Нет, я вас спрашиваю - что? Что вы так смотрите?

МАТВЕЙ. Как?

ЮРИЙ. Ну, так?

МАТВЕЙ. Я что-то не так понял?

ЮРИЙ. Я что-то не так сделал?

МАТВЕЙ. Что?

ЮРИЙ. Что - что?

МАТВЕЙ. Я не понял?

ЮРИЙ. Как?

МАТВЕЙ. *(помолчал.)* Сними куртку. Чего ты в ней сидишь? Или ты торопишься куда? Сними. Я не украду, не боюсь.

ЮРИЙ. А я и не боюсь. Украсть я и сам могу, чего там... *(Смеётся.)* Я в ней пока посижу. Ничего. Ничего.

Вертит в руках небольшой бронзовый бюст Гоголя, который стоит на кухонном столе.

А это - кто?

МАТВЕЙ. Николай Васильевич Гоголь.

ЮРИЙ. А я и не узнал. *(Смеётся.)* Здравсьте, Николай Васильевич. А зачем он тут? Любимый писатель?

МАТВЕЙ. Жена поставила. Им удобно очень орехи колоть.

ЮРИЙ. А-а. Он золотой?

МАТВЕЙ. Ага. Золотой.

ЮРИЙ поставил бюст Гоголя на место, уважительно погладил его. Задрал голову, смотрит на потолок кухни.

ЮРИЙ. Нда-а... На золоте, стало быть, едите, на серебре, стало быть, спите...

МОЛЧАНИЕ.

Ну? Что вы так смотрите? А?

МАТВЕЙ. *(помолчал.)* Да так. Смотрю, думаю, что ты за человек.

ЮРИЙ. Человек, как человек.

МАТВЕЙ. Шляешься по ночам...

ЮРИЙ. Ну и что?

МАТВЕЙ. С чего бы это?

ЮРИЙ. Я вас не спрашиваю: вы-то с чего?

МАТВЕЙ. Ну, спроси.

ЮРИЙ. Вы-то с чего?

МАТВЕЙ. У меня сигареты кончились. Вышел стрельнуть. У меня сегодня с куревом напряженка. Вот так.

ЮРИЙ. Да ну? Только-то?

МАТВЕЙ. А что может быть еще?

ЮРИЙ. Ну, не знаю...

МАТВЕЙ. Нет, только поэтому. С куревом напряженка. Вышел стрельнуть.

ЮРИЙ. Ну, а у меня полные карманы сигарет. Хожу вот по ночам, раздаю всем, кому надо и на надо. Направо и налево. И получаю кайф.

МАТВЕЙ. И ничего взамен?

ЮРИЙ. Ничего. Ничегошеньки.

МАТВЕЙ. Надо же. Какое бескорыстие.

ЮРИЙ. Что?

МАТВЕЙ. Я говорю: надо же, какое бескорыстие. Бескорыстие, говорю.

ЮРИЙ. А-а. А я-то думал...

МОЛЧАНИЕ.

Да что вы так смотрите, не пойму? Ну? Что?

МАТВЕЙ. Что ж теперь, и посмотреть нельзя?

ЮРИЙ. Можно, но ведь не до такой же степени! Я не пойму, чего вы смотрите, ну?

МАТВЕЙ. *(Помолчал.)* Не знаю. Смотрю вот и все. На кого-то ты, кажется, похож. Да. Из моих знакомых на кого-то ты похож. А на кого - не могу вспомнить...

ЮРИЙ. А-а. На доске «Их разыскивает милиция» видели мою рожу? Ага?

МАТВЕЙ. Наверное.

ЮРИЙ. Ну и память у вас. Я там неудачно, правда, получился. А вообще-то я - очень фотогеничный.

МАТВЕЙ. Ты очень фотогеничный.

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. Нда-а-а... Интересно девки пляшут по четыре девки в ряд. Все четыре и четыре, ну когда же будет пять? *(Смеётся.)* А вы всех, кто вас на улице угощает сигаретой, потом зовете в гости к себе на чай? Или только через одного?

МАТВЕЙ. А что, тебе у меня не нравится?

ЮРИЙ. Ну да, не нравится! Очень даже нравится. Что надо квартирка. У меня, правда, такая мысль в голове сидит, будто я тут уже был когда-то. Не знаю...

МАТВЕЙ. Был? Ты был? Тут был? Когда был?

ЮРИЙ. Ну, ну. Вы еще Бог знает чего подумаете. Вашу жену я не знаю, честное слово. Я с бабушками не дружу. *(Кашлянул, засмеялся.)* То есть, я хотел сказать, что у меня это - чисто профессиональное...

МАТВЕЙ. Не понял?

ЮРИЙ. Ну... Я часто бываю в гостях. У разных людей. А мебель, все такое прочее - у всех одинаковое, похожее. Ну вот, у меня потому, видно, такое ощущение, что я у вас уже был когда-то. А вообще-то - никогда не был. Никогда, нет. Точно, точно. Ни разу. Упаси Бог.

МОЛЧАНИЕ.

Ну так что? Вы мне не сказали?

МАТВЕЙ. Вы мне не сказали... Что не сказал?

ЮРИЙ. Вы всех, кого встречаете на улице, в гости к себе на чай зовете или через одного?

МАТВЕЙ. Через одного.

ЮРИЙ. А я думал - всех. *(Смеётся.)*

МАТВЕЙ. Не всех. Тебя - позвал. Захотелось- и позвал. Сегодня двадцать третье марта.

ЮРИЙ. Ну - и?

МАТВЕЙ. Нет, нет, ничего. Просто. Сегодня двадцать третье марта, вот и все. Двадцать третье.

ЮРИЙ. *(криво усмехается.)* Завтра - двадцать четвертое будет. Послезавтра - двадцать пятое... До первого мая считать?

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ. Ничего. Нет. Нет. Просто так. Пей чай. Пей, не стесняйся. Потом. Потом как-нибудь расскажу все. Потом.

МАТВЕЙ подвинул чашку Юрию. Не мигая, смотрит на него.

Тебе сколько... лет?

ЮРИЙ. А что?

МАТВЕЙ. Сколько?

ЮРИЙ. Да вам-то, вам-то зачем?

МАТВЕЙ. *(помолчал.)* Пить тебе можно или нет? У меня... в холодильнике есть полбутылки водки. Сколько... тебе лет?

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. Двадцать два... *(Улыбается.)*

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ. Я тебя серьезно спрашиваю.

ЮРИЙ. Я не девица, чтобы ломаться. Сказал - двадцать два, значит - двадцать два. Наливайте. Выпью, пожалуй, рюмаху, раз вы такой щедрый. Почему бы и не выпить с хорошим человеком. Правда? На халявку-то, ага? Я пойду, куртку сниму - повешу...

ЮРИЙ, улыбаясь, встал из-за стола, прошел в прихожую, снял куртку, повесил ее. Пригладил перед зеркалом волосы, оглянулся. Хлопнул по карманам пальто, висящих в прихожей. Нашарил мелочь, достал ее тихонечко. Хмыкнул, спрятал себе в карман. Внимательно разглядел длинное кожаное пальто, которое висело на вешалке. Быстро снял его, примерил. Неслышно повесил обратно на место. Улыбаясь, пошел на кухню.

МАТВЕЙ в это время медленно открыл холодильник. Тупо смотрит в него, соображая, за чем туда полез. Достал водку. Поставил на стол рюмки. Трет виски ладонями. Локти рук - на столе. Тряхнул головой, словно отогнал от себя наваждение, кошмар. Закурил новую сигарету, не успев потушить прежней.

На кухню входит ЮРИЙ, потирает бьюки ладонями, смеется.

ЮРИЙ. Ну и квартирка у вас! Полигон прямо. Тут, в коридоре, на мотоцикле можно кататься...

МАТВЕЙ. Раньше я катался. На велосипеде.

ЮРИЙ. Когда это? Когда - раньше?

МАТВЕЙ. В детстве, конечно же...

ЮРИЙ. Ясно. До революции, значит. До Великой Октябрьской...

МАТВЕЙ. До революции...

ЮРИЙ. *(Смеётся.)* Заблудиться можно... Пальтецо у вас кожаное - шик-модерн. Самый писк. *(Заглянул в туалет.)* А эта дверь? Ага. Пи-пи делать. Ясно... Здорово. Завидки берут. Унитазик голубенький...

МАТВЕЙ. Голубенький..

ЮРИЙ сел за стол, поставил локти, как МАТВЕЙ, весело спросил:

ЮРИЙ. А кто вам ремонт делает? Сами?

МАТВЕЙ. Хочешь свои услуги предложить?

ЮРИЙ. А-а, сразу догадались! А чего? Я большой спец, точно. Возьмите меня - не пожалеете.

МАТВЕЙ. *(Испуганно.)* Куда - взять?

ЮРИЙ. Как - куда? Ремонт делать!

МАТВЕЙ. Куда?

ЮРИЙ. Нет, серьезно, я спец еще тот. Не верите, что ли? Да я и пилить умею, и строгать, и обои клеить. Плинтуса там заделать, филеночку. На все мастер. А? Я серьезно. Я кем только не работал. Ага! Один раз даже в кино снимался. Честное слово! Не поверите! Артистом!

МАТВЕЙ. Как назывался фильм?

ЮРИЙ. Вам - зачем?

МАТВЕЙ. Схожу - посмотрю.

ЮРИЙ. А-а. Кино... кино называлось... «Опасные гости»! *(Смеётся.)* Ага. Посмотрите. Вам понравится. *(Снова смеется.)* У меня там ма-а-а-аленькая роль была. Ма-ню-сень-ка-я... Но очень важная. Так что в случае чего - можете на меня рассчитывать. Засандалю вам ремонт - пальчики оближете...

МАТВЕЙ. Жена наняла контору какую-то. Но, если у тебя есть время, то, наверное...

ЮРИЙ. Что за контора? Деньги вам некуда девать. Контора надует. Как пить дать - надуют. Я - нет. Я серьезно вам говорю, я все умею делать. Знаете, чего я у магазина стоял? Я там в магазине сторожем работал, когда учился...

МАТВЕЙ. Где ты учился?

ЮРИЙ. Не важно. В одной шараге. Ну вот. Сторожем в магазине. Ночью туда приходила машина с молоком. Надо было ее разгружать. Мы там по двое дежурили. Разгрузим машину, с шофером побазарим, он уедет, а мы с фляги пломбочку - чпок! - и все. Наберем молочка из фляги, потом в хлебный напротив сходим... Там тоже наши ребята

работали, к ним ночью хлеб привозили... Свеженький, горяченький! С молочком - за милую душу шло! Сядем возле магазина, а трава летом мокрая, время пять утра, кайф! Все еще спят, дворники улицы подметают - ширк! ширк! Птички просыпаются, поют... Ну до того красиво, что аж блевать охота! *(Смеётся.)*

МАТВЕЙ. Молоко потом разбавляли?

ЮРИЙ. Ну да. Зачем? Пломбочку на место. И все. Продавщицы сами потом разбавят. А как? А чего?

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ. Так ты, стало быть, стоял, вспоминал молодость?

ЮРИЙ. Нет, так ходил, гулял. Сопли морозил. Ага. Молодость. *(Стучит пальцами по столу, припевает.)* «Ах ты, молодость моя, куда ты подевалась! По блатхатам, рес-тора-нам скоро ис-тас-ка-ла-ся! Ча-ча-ча!!!» *(Хохочет.)* Ну, что сидим? Попробуем молочка от бешеной коровки?

МАТВЕЙ налил в рюмки, выпили.

МАТВЕЙ. Вот сыр, колбаса. Ешь.

ЮРИЙ. А, хорошо! Очень хорошо. *(Ест.)* Как кто-то из моих знакомых сказал: «Разве ж можно это говно без водки съесть?!» *(Хохочет.)* Ну, повезло мне сегодня... Два дня ни крошки - и вдруг...

МАТВЕЙ. Почему - ни крошки?

ЮРИЙ. *(Смеётся.)* Да как-то не хотелось, знаете ли!

МАТВЕЙ. Где ты живешь?

ЮРИЙ. Тут, недалеко. *(Ест.)* Рядом совсем.

МАТВЕЙ. *(помолчал.)* Скажи мне, пожалуйста, как тебя зовут?

ЮРИЙ поднял вилку в воздух, прислушался, шепчет:

ЮРИЙ. Тихо... Тихо! *(Пауза.)* Слышите?!

МАТВЕЙ. Что? Что? Ну, что, что?!

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. *(Смеётся.)* Самолет полетел... Самолет!

МАТВЕЙ. Ну и что?

ЮРИЙ. Нет, вы слышите, как высоко полетел? Выше облаков, выше звезд, выше неба... Слева - луна, справа - заря, впереди - туман, далеко-далеко солнце садится! Красота! А внизу - земля. Внизу - мы. Внизу - город наш. А в самолете сидят себе чучмеки и смотрят в окошечко, вниз. Видят: так далеко-далеко огонёчки светятся и они про нас с вами думают: «Это чтой-то там за деревня такая масенькая огоньками светится? Это хтой-то там живет-сидит-пьет-ест-трахается? Ась? Кто?» Мы - внизу, а они - наверху, на наше окошко, которое в темноте светится, смотрят, вздыхают. А мы сидим, пьем вот. А чучмеки летят себе, летят! А?!

МАТВЕЙ. Почему чучмеки?

ЮРИЙ. Как - почему? Здрасьте, приехали! Самолет-то ведь летит в Индию!

МАТВЕЙ. *(первый раз улыбнулся.)* Откуда ты знаешь?

ЮРИЙ. Что знаешь?

МАТВЕЙ. Ну, что чучмеки и что - в Индию.

ЮРИЙ. Здрасьте, я ваша тетя! Ну, а куда еще-то среди ночи самолеты летят, по-вашему? В Йошкар-Олу, что ли? Или в Крыжополь? Ага, как же. Сейчас, ага... В Индию, в Индию самолеты по ночам летают, понимаете! Только ночью! Категорически! Чтоб, мляха-муха, все пути были бы открыты!

МАТВЕЙ. Почему в Индию-то? Может, они в Японию полетели или, там, скажем, в Америку?

ЮРИЙ. Ну да, в Америку! Нет! Не в Америку! *(Убедленно.)* Во-первых, там уже делать нечего, в Америке-то, там наши - все вытоптали. А во-вторых - ого-го! о-о-оо! - мечта моей жизни, мечта моя голубая - побывать в Индии! О, великая Индия! Индейки в простынях, со звездой во лбе... во лбу! Индейцы в чалмах! Обезьяны, папуасы! И горы, и море! Индийский чай! Калькутта! Любовь в Кашмире! Радж Капур! Индира Ганди! И тэдэ и тэпэ! Ура-а-а-а!!!!

Ест, стучит вилкой по столу, скандирует:

Ин-ди-я! Ин-ди-я! Ин-ди-я! Ин-ди-я! Ин-ди-я! Ин-ди-ди-диди-яяяя!!!!

Приставил растопыренные пальцы ладоней к вискам, поболтал ими в воздухе. МАТВЕЙ молчит. Улыбается.

Смешно?

МАТВЕЙ. Пацан ты совсем.

ЮРИЙ. *(Ест.)* Ага. Пацан. Мальчонка. Мальчишечка сопливый. Сопливенький. Мальчуганчик совсем. Только писька до колена. *(Хохочет, балуется.)* Дяинька, а, дяинька?

МАТВЕЙ. Что?

ЮРИЙ. Скажите, дяинька, как вас звать-величать?

МАТВЕЙ. Меня? Матвеем. Матвей. Матвеем зовут. А тебя?

ЮРИЙ. У-у! Матвей! Ишь ты, Матвей! Красивое имя - Матвей! Матвей - держи бодрей! *(Хохочет.)* Дяинька Матвей, а слабо вам дать мне денег?

МАТВЕЙ. Что дать?

ЮРИЙ. Денежек, дяинька? Гумажечки такие дяиньки и тетеньки носят в карманах: синенькие, красненькие, зелёненькие гумажечки? Богатые люди могут нищему гумажечку, подсунуть, подкинуть? Правда? Вы ведь богатенький Буратинка? *(Смеётся.)* Да я вам отдам. После. Когда-нибудь. Может быть. А?

МАТВЕЙ. *(Полез в карман брюк, достал мятые деньги, положил на стол.)* Бери, сколько тебе надо.

Пауза. ЮРИЙ смотрит на деньги.

ЮРИЙ. Вы чего это? Правду, что ли? Прямо вот так вот можно взять - сколько захочу? Что ли?

МАТВЕЙ. Конечно, бери, что ли. Бери, сколько хочешь.

ЮРИЙ. А если я вдруг две гумажки захочу взять? А? Ой, широко шагаю, штаны порву! Можно? Я займы? Отдам потом? С получки?

МАТВЕЙ. Бери. Бери. Да бери ты.

ЮРИЙ взял деньги, спрятал в карман. Молчит.

ЮРИЙ. Отгадайте загадку.

МАТВЕЙ. Что?

ЮРИЙ. Могут ли клопы совершить революцию? Отвечаю сразу, потому что вы все равно не знаете. Могут. Потому что в их жилах течет рабоче-крестьянская кровь. *(Хохочет.)* Вот так. Ага? *(Щелкнул Гоголя по носу.)* Ух, какой глазастый! Смотрит на меня, смотрит... Третий лишний, ага? Гогель-могель...

МОЛЧАНИЕ.

Да я отдам. Честное слово, отдам. Ну?

МАТВЕЙ. Нет, нет.

ЮРИЙ. Да отдам, сказал. Ну?

МАТВЕЙ. Да бери, бери, бери. Тебе надо. Бери.

ЮРИЙ. А кому не надо?

МАТВЕЙ. Мне не надо.

ЮРИЙ. *(Молчит.)* Дяинька, а, дяинька? А можно я у вас спрошу вопрос, а вы мне ответите ответ? Можно?

МАТВЕЙ. Можно.

ЮРИЙ. *(придвинул табуретку близко-близко.)* Дяинька, а вы... нормальный, нет?

МАТВЕЙ. Не знаю.

ЮРИЙ. Ах, не знаете... Ага. Не знаете, значит. *(Пауза.)* Господи, я же совсем забыл, что у вас жена официантка, что вы не сами ремонтируетесь, а контору нанимаете на ремонт! Забыл! Пardon! Извиняюсь! Да я отдам, отдам потом, правда. Потом. Отдам. Отдам. Будь спок.

Пауза. ЮРИЙ пьет чай.

Чаю мне налейте еще. Только без «марусек»...

МАТВЕЙ. Что?

ЮРИЙ. Ну, без чаинок, то есть...

МАТВЕЙ. Чаинки - «маруськи»? Почему это?

ЮРИЙ. Не знаю. Все так говорят. А что?

МАТВЕЙ налил Юрию в чашку чаю. Молчат. ЮРИЙ пьет чай.

(выдохнул.) Ну, что? Попили, поели, домой полетели? Пора мне уже и ноги делать, а? Так, нет?

МАТВЕЙ молчит.

Да что вы так смотрите, не пойму, ну?!

МАТВЕЙ. Что ты сказал?

ЮРИЙ. Да ничего не сказал! Я говорю, третий час ночи, а жены вашей нету дома. Что же это такое? Ну, днем она клиентов колола, понятное дело, а сейчас чего? Ночь на улице... Не боитесь, что она с кем-то там сейчас вдруг... А?

МАТВЕЙ. Меня это не интересует.

ЮРИЙ. Заявочки, надо сказать. А кого это интересует? Гоголя? *(Пауза.)* Слушай, что я скажу... Я вот в кино снимался...

МАТВЕЙ. Ты рассказывал уже. Да, да. «Опасные гости». Помню.

ЮРИЙ. Вот именно. «Опасные гости.» Вот что я тебе расскажу. Там в кино работают все до единого педики.

МАТВЕЙ. Ну и что?

ЮРИЙ. Ничего. Просто так. Просто так тебе рассказываю. Там все артисты эти, режиссеры, вся эта шушера - все педики.

МАТВЕЙ. Очень интересно.

ЮРИЙ. Проходу мне не давали все эти три дня, пока я там был, пока снимался. Понимаешь?

МАТВЕЙ. Понимаю.

ЮРИЙ. Ничего ты не понимаешь. Сплошные педрилы ходят, прижимаются, щупаются. Я вообще педиков ненавижу до ужаса. Блевать охота, когда чувствую, что рядом со мной педик. Понял?

МАТВЕЙ. Ну и что дальше? Дальше - что?

ЮРИЙ. Была бы моя воля - я бы всех педиков ставил бы к стенке и автоматом их - раз! - и всех нету. Понял?

МАТВЕЙ. А кто-то, наверное, говорит сейчас: была бы моя воля - я бы всех воров ставил бы к стенке и автоматом их - раз! и нету. Ты не думал об этом, нет?

ЮРИЙ. Воры - другое дело. Совсем. Так что не надо. А всех педиков надо расстреливать. В колыбели. Прямо в колыбели еще.

МАТВЕЙ. К чему ты мне это говоришь - не понимаю?

ЮРИЙ. Да просто так. Вспомнил, вот и говорю, что педиков ненавижу до смерти. Я и в кино перестал сниматься из-за них. Приставали, проходу не давали...

МАТВЕЙ. Экий ты соблазнительный..

ЮРИЙ. Я не знаю, что они ко мне все клеются...

МАТВЕЙ. Своего чувствуют, наверное, а? Как ты думаешь?

ЮРИЙ. Заткнись, понял? Не на того напал, понял? Слушайте, дядя, а вы не милиционер, случаем, нет?

МАТВЕЙ. С чего ты взял?

ЮРИЙ. Ну, выпытываете чего-то все, вынюхиваете, выпрашиваете, а? Смотрите на меня так, что аж страхота находит... Вы не мент, нет? Да я отдам, отдам, в натуре, отдам вам эти бабки... Хоть сейчас могу отдать, ну? Это я так, про запас взял вообще-то. У меня не горит, так что заберите их взад, как говорится...

МАТВЕЙ. Оставь. Давай, выпьем.

МОЛЧАНИЕ. Выпили.

(Тихо.) Послушай меня, пожалуйста... Только внимательно и... Как бы это сказать... Вот что. Ты только не подумай, что у меня вольты загуляли или еще что-то там такое... Ты, пожалуйста, посиди две минутки, посиди, помолчи, послушай... У тебя шило в одном месте, я гляжу, но я прошу тебя - не дергайся, посиди, послушай, что я скажу. Внимательно послушай. Не перебивай меня, пожалуйста, не перебивай, послушай...

ЮРИЙ. Да, да, пожалуйста! Пожалуйста! *(Смеётся, сел нога на ногу.)* Что ни говори, а приятно с интеллигентным человеком разговаривать. А? Из интеллигентных людей мата - членом не выдолбишь, ага? *(Хохочет.)*

МАТВЕЙ. Пожалуйста, послушай. Я тебе хочу сказать что-то очень важное. Очень, очень... Одну важную штуку хочу тебе рассказать. Для меня важную. Спросить хочу тебя я... Вернее, не спросить, а просто поделиться... Так сказать... И ты не смейся только, пожалуйста, не смейся, не надо! Очень прошу. *(Матвей трёт рукой лоб.)* Мне очень нужно это кому-нибудь рассказать... Вернее, нет. Не так. Кому попало я бы не стал этого говорить, рассказывать, нет! А тебе - именно тебе - расскажу... Понимаешь?

ЮРИЙ. Я - весь внимание. Готов, как пионер, к труду и обороне!

МАТВЕЙ. погоди, послушай. Ты не сказал мне, как тебя зовут. Ты не хочешь сказать. *(Пауза.)* Впрочем, это и не важно, да, да. Не важно! Иначе, если будет совпадение, я совсем съеду с катушек... То есть, ты посиди, послушай, не перебивай... черт, черт, зараза! Что я хотел сказать? Забыл. Забыл. Вот! Вот. Вот. Сегодня у нас двадцать третье марта...

ЮРИЙ. Да, да. Мы уже говорили об этом, обсуждали сие происшествие... Нда-а... Время бежит и бежит, годы идут и идут... *(Смеётся.)*

МАТВЕЙ. погоди, пожалуйста, погоди. погоди. Значит, так: прошло двадцать лет. Ровно.

ЮРИЙ. Ужас какой! Двадцать лет прошло! А как будто вчера еще все было! А уже - двадцать лет! Подкралось незаметно!

МАТВЕЙ. Подожди... *(Пауза.)* Ему тоже было двадцать два года. Ровно столько же, сколько и тебе, сейчас. Я говорю тебе об одном моем знакомом. Это - один мой знакомый... Вот. Я здесь на кухне буду белить потолок.

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. А в коридоре будете?

МАТВЕЙ. Да. Да. Да, да. Обязательно. Обязательно. Да. Да.

Встал, подошел к окну, посмотрел на улицу, захлопнул форточку. Снова сел, смотрит на Юрия. Его руки, сомкнутые замком, лежат на столе.

Мы с ним были очень дружны. Ты, наверное, и представить себе этого не можешь, но... Но мы были с ним очень дружны. Вот так вот. Так дружны, что с тех пор друзей у меня не было. Ни одного... *(Пауза.)* Вот. Вот и все. Да, все. Я тебе, кажется, и все рассказал...

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. Все?

МАТВЕЙ. Да, все. Все. *(Быстро.)* Нет, нет, нет, это не все! погоди, погоди! Нет, я не сказал тебе самого главного... Голова кружится. Не надо пить. Больше пить не надо.

ЮРИЙ. Да я все понял. Я догадливый мальчик.

МАТВЕЙ. Что ты понял?

ЮРИЙ. Да все понял.

МАТВЕЙ. Как все понял?

ЮРИЙ. Ну, очень просто! Вы были с ним друзьями, так? А сейчас предлагаете мне свою дружбу? Верно?

МАТВЕЙ. Да, вроде бы...

ЮРИЙ. Ну, чего же проще-то? Я друг ваш навеки! С такими денежками, да без друзей-тяжело, понятное дело! Вашу руку, фрау мадам, я урок вам первый дам! *(Смеется.)*

Протянул ладонь через стол, смотрит на Матвея. МАТВЕЙ взял руку, крепко сжал ее, говорит тихо, глядя Юрию в глаза:

МАТВЕЙ. Итак. Слушай. Я жил здесь, в этой квартире... Я много лет живу здесь. Вернее, я жил здесь всегда. Вместе с мамой. Ее давно нет уже, моей мамы. Давно нет. Она очень не любила Юрия... Его звали - Юра. Мы были с ним знакомы один год. Всего лишь год. А познакомились двадцать третьего марта, двадцать один год назад. И ровно через год нашего знакомства, день в день... Бывают же совпадения... Послушай. Через год после нашего знакомства я уехал в Москву, в командировку. Он проводил меня в аэропорт, помахал рукой и все смеялся. Он всегда смеялся, ему всегда было весело и радостно жить. Палец покажи - смеяться будет. Нет, нет. Я не идеализирую его. Ты не думай. Он был простым, земным человеком, со всеми слабостями, которые могут быть у человека и прочее... Ну вот. Через два дня он должен был тоже появиться в Москве. Он учился в институте. В том же, где и я. Только я работал и учился заочно, а он - на дневном. Через два дня я стоял на углу Малой Бронной и ждал его. Мы договорились, что встретимся там и пойдем на спектакль. Я достал два билета. Туда было тогда трудно достать билеты...

ЮРИЙ. *(все так же держит руку в руке Матвея.)* Это куда же?

МАТВЕЙ. Не важно. Я ждал его на углу Бронной. И он не пришел. Билеты пропали. Я останавливался у родственников. Пошел сразу же к ним. Начал собирать чемодан. Не знаю, почему. Начал собирать...

ЮРИЙ. *(попытался высвободить руку.)* Зачем вы все это мне рассказываете? И не смотрите так. Не надо, не надо...

МАТВЕЙ. *(тихо.)* Послушай, прошу тебя... Очень прошу тебя. Я собрал чемодан. Поехал в аэропорт. Купил билет. Не знаю как купил. Трап от самолета уже убрали. Я кричал, плевался, кусался, распахивал всех, требовал, чтобы меня немедленно посадили в самолет. Именно в этот самолет. Я говорил, что я сейчас умру, что мне позарез нужно туда, пустите в самолет, что я лечу к больной матери...

ЮРИЙ. К какой матери?

МАТВЕЙ. Я очень, очень прошу тебя дослушать. Больше никто никогда не выслушает меня. А я должен кому-нибудь рассказать. Тебе рассказать, обязательно. Иначе - я просто не выдержу, иначе - я просто умру...

ЮРИЙ. Ну-ну. Тихо. Страсти-мордасти. Прихватывай у вас, однако, надо сказать... Умру, умру... Да я слушаю. Слушаю внимательно, не надо нервничать, ну?

МАТВЕЙ. Я приехал домой. Сел в аэропорту в такси, приехал в город. У меня не было друзей, кроме него, понимаешь? Никого. Ты слышишь меня?! Мать открыла двери. Сразу, на пороге сказала: «Как ты узнал?» Я спросил: «Что случилось?» Она не умела скрывать свои чувства. Она очень не любила Юрия. Юру. Очень. И тут не скрыла. Сказала со злостью: «Мне позвонили, сказали, что дружка твоего прирезали. Я сказала им, чтобы не звонили, не беспокоили по пустякам...» Она очень его не любила. Если не сказать больше. Не любила, да, не любила, хотя его нельзя было не любить. Бывает такое несовпадение биополей, что ли, как это там называется... Да, она сказала мне: «По пустякам...» Мама... Она не знала, что с того момента, как я узнал это, вся жизнь кончилась, наперекосяк пошла, а она думала... Как раз в то время, когда я в Москве собирал чемодан, как раз в то время, несколько часов тому назад, ему в живот воткнули нож... Огромный нож... Я его видел потом, это был не нож даже, а какая-то пика... Такая длинная, жуткая, черная железная штука... Я не знаю, почему он не полетел в Москву! Мы договаривались с ним! Он не полетел... Там, в парке, он ввязался в какую-то драку, там были посторонние, незнакомые люди и зачем он к ним полез - я не знаю. Он нарочно сделал это! Я не знаю! Я ничего не знаю! Я не знаю! Я ничего не знаю! Ничего, слышишь?! Я не знаю, зачем он ввязался в эту драку, почему его убили, я - не знаю!

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. Что дальше?

МАТВЕЙ. *(Молчит.)* Дальше - все. Больше - ничего. Он был без сознания десять дней. Десять лет для меня. Он долго умирал. За что наказал его Бог, за что ему были мучения, выпали мучения - не знаю. Все эти дни я был с ним, в больнице. Рядом. Мы вместе умирали. Я - тоже. Я ту же боль чувствовал, те же муки... Когда он приходил в себя, он чуть шевелил пальцами руки. Я все время держал его руку, потому что с ужасом, животным каким-то страхом, дурью чувствовал, чувствовал - он уходит... Он улыбался мне чуть-чуть. И за десять дней - ни слова. Ни единого. Ничего не говорил. И не сказал. Но он видел меня. Я чувствовал это. Он смотрел на меня, будто запоминал, запоминал... Закрывал глаза и улыбался. Улыбался. Улыбался...

МОЛЧАНИЕ.

На десятый день он умер. Десять дней я смотрел на него и думал... Нет, у меня каша была в голове, не помню ничего! В голове мусор был... Я держал его за руку. Ладонь была сухая, горячая. Там, в палате, все время была нянечка. Маленькая такая старушенция, худенькая. Как смерть худая. Да, да. Как смерть. Вытирала пыль с окон. Вдруг повернулась, посмотрела на меня, на него посмотрела. Подошла к нему и сказала... Очень-очень громко сказала... Так не говорят, когда рядом больной. Она сказала: «Можно разговаривать.» Почему она сказала: «Можно разговаривать...» Громко, на всю палату. Говорит: «Можно!!! Разговаривать!!!» Я: «Что? Что?» Тихо так спросил: «Что?» А она: «Можно разговаривать! Он уже умер, что вы сидите?»

МОЛЧАНИЕ.

Понимаешь? Дура она, дура эта старуха, дура... Глупая. Худая такая. А потом - клубок такой, сон повторяется, сон, который я рассказывал ему полгода назад. Мы над этим сном дурацким смеялись, помню. Я ему рассказывал сон этот, а он мне говорил: «Брось, пустое. Как бабка моя говорила: «Куда ночь - туда и сон...» А сон был такой: я стою у могилы, у разрытой ямы, хочу что-то сказать, открываю рот и дальше ничего не могу... Ничего, ничего не могу - вообще будто меня не стало, все вижу, а ничего не могу! Сон повторился, так было: могила, да. Люди. Венки. Стук молотка по гробу. Солнце сквозь деревья. Снег на

кладбище еще не растаял... И все. Туман. Как его закопали... как его похоронили - я не видел. Ничего не видел...

МОЛЧАНИЕ.

Ты понимаешь меня? Нет. Я всё так сумбурно... Да, конечно, ничего не понять... Ты понимаешь?

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. Да маленько понимаю. Так, значит! У вас сегодня круглая дата? Так? Ну, давайте тогда, по этому случаю, выпьем. Вмажем. Выпьем, не чокаясь. Так, да?

Пауза.

МАТВЕЙ. Скажи, ты веришь в Бога?

ЮРИЙ. Бога - нет.

МАТВЕЙ. Кто тебе сказал?

ЮРИЙ. Все говорят.

МАТВЕЙ. Неужели не веришь?

ЮРИЙ. Нет, конечно! Бога - нет. Нет! Во всех книжках написано, что дурман. В дяденьку, который на небе сидит - не верю. Ну, что он руководит всеми нами - нет, неправда. Не верю в это. Серьезно.

МАТВЕЙ. Но ведь во что-то ты веришь?

ЮРИЙ. Во что-то верю.

МАТВЕЙ. Во что?

ЮРИЙ. Ну, во что-то такое, что непонятное, но происходит. Во что-то такое, что между людьми происходит, непонятно как. Вот как между нами сейчас-что-то такое. Бог?

МАТВЕЙ. А что происходит между нами?

ЮРИЙ. Вот уж этого я не знаю, прошу прощенья. Не знаю. Что-то такое... Мне непонятное. Но Бог тут не при чем.

МАТВЕЙ. А я начну с сегодняшнего дня. Да, да, да! Потому что такое случается только... Да, я начну верить, начну верить в дяденьку, который на небе, руководит, придумывает, сочиняет... Потому что простому смертному сочинить такое...

ЮРИЙ. Да что я такого сказал?! Ничего особенного не сказал... Тоже мне! Ну, где она, ваша Манюрка, почему она не идет?!

Встал из-за стола, пошел к двери. МАТВЕЙ тоже поднялся.

МАТВЕЙ. Постой, послушай... Двадцать один год назад мы познакомились, двадцать лет назад он умер...

ЮРИЙ. *(кричит.)* Да вы сто раз это уже говорили! Я не могу больше в этом дурдоме, не могу! Надоело, уйду! Хватит меня гипнотизировать!

МАТВЕЙ. И именно сегодня я встречаю тебя...

ЮРИЙ. Хватит! Я тебе, дядя, сказал, что не следил я за твоим домом, не следил! Сам подошел, сигарету попросил, меня сюда позвал. А я замерз - потому пришел! Чего ты ко мне пристаешь, чего тебе надо, чего?! Тебе психушку вызвать, да?

МАТВЕЙ. Нет, нет, это не случайно!

ЮРИЙ. *(кинулся от двери к столу.)* Мужик, что ты привязался ко мне, как пьяный до телевизора, чего тебе надобно, старче?! Чего?! Пошел ты, знаешь, куда? Три дня лесом, три дня полем! Понял?! Все. Я пошел. Надоело. Как мент, ей-Богу: что, как, почему, отчего, зачем... Пристал. Твою бы энергию бы, дядя, да в мирных бы целях бы! Смотрит, смотрит, рыло позорное! Чего смотришь? Чего надо?! Все, хорош. Будя, сказал! Пошел на три буквы! Знаешь, на какие? Ну вот, грамотный, образованный ты, дядя, а дурак! Пристаешь к людям, собака, пристаешь! Смотрит, смотрит, как корова больная...

Рванул к двери. МАТВЕЙ схватил его за руку. ЮРИЙ пыхтит. Вырывается. МАТВЕЙ сильнее его. Юра - худой парень, не сильный. МАТВЕЙ посадил Юрия на табурет.

МАТВЕЙ. Сядь. Сядь. Сядь...

ЮРИЙ. *(испуганно.)* Ты чего это, дядя? Чего это, а? Чего тебе надо, сука ты такая? Садист, зараза такая, пристал...

МАТВЕЙ выдвинул ящик стола, достал фотографию, протянул Юрию.

МАТВЕЙ. Прости, пожалуйста. Прошу, посиди минутку... Успеешь уйти. Уйдешь и больше не увидимся... погоди, пожалуйста. Посмотри вот, прошу, посмотри...

ЮРИЙ. Ты чего руки ломаешь, козел, чего ты руки крутишь, ну?! Чего пристал, чего?! Не пугай, дядя, не пугай, не надо, пуганый! Я ведь так отоварю, падлу рваную, не встанешь! Не смотри, что маленький, зато коренастый, понял? Не пугай, ну?!

МАТВЕЙ. Посмотри! Посмотри на это! Потом ты мне все скажешь... Потом...

ЮРИЙ. *(Визгливо.)* Ты мне руку поломал!

МАТВЕЙ. Я не хотел тебе сделать больно. Прости, пожалуйста... Прости...

ЮРИЙ. Не хотел, а сделал! Не хотел, не хотел! Не хотел он... Ты знаешь, что у меня тело нежное?! Знаешь, знаешь?!

МАТВЕЙ. Знаю.

ЮРИЙ. Знает он! Останутся синяки - и все! Как я потом на люди появлюсь с синяками, ну? Прямо давит, давит и давит со всей силой, собака... *(Смотрит на фотографию.)* Ну? Что?

МАТВЕЙ. *(тихо.)* Это... кто? Ты.. ты его знаешь?

ЮРИЙ. Кто, кто! Откуда мне знать! *(Пауза.)* Ну да.

МАТВЕЙ. Посмотри повнимательней...

ЮРИЙ. Ну, что смотреть-то? Сам себя не узнаю? Трезвый еще пока... *(Пауза.)* Нет, не я это. Одежда чужая... Нет, не я... Или я? *(Пауза.)* Точно не я. *(Смеется.)* Я уж думаю - откуда... *(Хохочет.)* Напугал, дядя! Нет, не я. Другой. Похож, сильно. Но у меня таких шмоток нету... Фоторобот? Ты точно мент?! Точно?! Кто?!

МАТВЕЙ. Он умер двадцать лет назад... Двадцать один год назад мы познакомились... Это... это не ты?

ЮРИЙ. Ну, если он умер, то, конечно, не я... *(Смеется.)* Чего ты, дядя? С головкой не дружишь? Напугали вы меня! Ну, теперь-то все понятно! Теперь-то я допер! А я-то думаю, чего он смотрит на меня?! Теперь - дошло! Ништяк! Так про него вы мне рассказывали? Какое скотство, то есть - сходство! *(Смеется.)*

Помолчал. Очень серьезно:

Нет, ты посмотри, как похож, а? Как одно лицо, надо же, а? Похож, зараза и все тут! Как две капли, вылитый! А я думал: чего это дядя на меня так... Теперь - понял. Ну да. Понимаю вас. Фронтовика встретили, ага? Ну, друга юности, с которым вместе на Магнитку, на Братскую ГЭС, на БАМ, да? На старости лет, стало быть. Вот ведь жизнь какая штука! На закате дней приходится, понимаешь. Ага? Да, старость - не радость. То есть, давайте, помянем? То есть, обмоем нашу встречу? Ведь это надо же - друга юности встретил дядя! Вот ведь как бывает!

Смеется, наливает в рюмки. Поднял рюмку, выпил, ест, смотрит на Матвея, сидящего без движений.

Вот такие пироги с котятами, ага? Ну, бывают же в жизни совпадения! Да вы не расстраивайтесь так, чего там? Плевать. Что, и сильно похож, да? В смысле: в жизни, в разговоре - похож, ага?

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ. *(Тихо.)* Кто ты?

ЮРИЙ. Опять сказка про белого бычка! Да не переживай ты, дяденька, так. Ну чего там? Бывает всякое. Знаешь, что? Если я на твоего друга так похож уж очень, то давай сначала сделаем вот что: будем на «ты». А? А то я цирлихи-манирлихи разводить не люблю, понимаешь? То «ты», то «вы». Противно, знаешь ли... Одна Караганда что «ты», что «вы». Правда? *(Снова ест.)* Так что вот что я тебе на правах старого друга скажу: ты меня, дружище Матвей-держи-бодрей, своими долбанутыми шизными вопросами не раз-дра-жай, понимаешь? А то я, друг ситный, могу обидеться на тебя и свалить отсюда, понял? А тебе одному будет грустно, тем более, и Манюрка твоя не придет, видно, сегодня ночевать. Вот так. Не раздражай. Ладно? А то уйду. Как в песне поется: «Мы странно встретились, мы странно разойдемся!» *(Смеется.)* Кто да кто... Дед Пихто, вот кто. Понял?

МАТВЕЙ. *(схватил Юрия за руку.)* погоди, погоди, погоди... Не обижайся, не обижайся на меня, Юра, Юра, Юра... погоди, не исчезай, прошу тебя! погоди, дорогой мой, погоди! Я знаю, что это ты пришел ко мне, ты, ты, ты и больше никто! Это ты, Юра! Ты!!! Я тебя все эти годы ждал, так ждал, так ждал!!! Это ты, ты... Ты пришел ко мне с того света, я знаю... *(Быстро.)* Юра, я должен сказать тебе, я хочу сказать тебе... Ты пришел и я скажу тебе, что я тоже умер, тогда, вместе с тобой, ты слышишь меня?! Меня не стало сразу же, как только тебя... Юра, мне сорок два года, смерть моя не скоро, физическая смерть не скоро, но я умер, умер уже много лет назад, умер, но остался жить, я умер тогда, вместе с тобой, меня не стало, не стало, я исчез, растворился, как дым, меня не стало, исчез я, как исчезла твоя улыбка, не стало, не стало, не стало меня... Мои ноги ходят, как заведенные, по земле, мои губы что-то говорят, руки обнимают кого-то, глаза куда-то смотрят, но меня не было, не было все эти годы! Я - покойник, я - ничто, пустое место, от меня смердит, ты слышишь меня, Юра?!!! Юра, ты слышишь... Ты слышишь меня...

МАТВЕЙ плачет, не открывая глаз.

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. *(осторожно убрал руку, тихо.)* Я - не Юра. Я - не Юра. Не Юра. *(Молчит.)* Что ж ты так себя запустил-то, дядя?

МАТВЕЙ. Сильно постарел, да?

ЮРИЙ. *(настойчивее и злее.)* Я не Юра. Не Юра. Вольты загуляли? К врачам обратись, не ко мне! *(Пауза.)* Первому встречному - всю душу... *(Смотрит в пол.)* Тараканы у них бегают... А еще богатеи... А вдруг я плюну тебе в нее, в душу в твою, а? Это ж пустяшное дело - харкнуть, ну? Я не Юра, не Юра твой, понимаешь? Не Юра, не Юра, не Юра, не Юра!

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ открыл глаза. Трет лоб. Ищет сигареты, закуривает.

МАТВЕЙ. *(суетливо.)* Да, да... Да, да... Извини, пожалуйста... Извините, ради Бога, меня... Простите меня... Прости, то есть... Что-то такое со мной сегодня случилось - нервы совсем... Вырвалось... Извини, пожалуйста... Я совсем с ума стал сходить... Прости меня... *(Вдруг другим тоном, серьезно.)* Ну? Что? Как ты?

ЮРИЙ. *(помолчал.)* Тридцать три.

МАТВЕЙ. Что - тридцать три?

ЮРИЙ. А что - «ну как?»?

МАТВЕЙ. А-а. Шутка, а? Ясно... Ну да. Ну да... Ну да...

Суетливо начал подбирать крошки со стола.

Надо из ведер вынести, полно мусора... Бардак какой-то в доме несусветный... И в башке моей тоже самое... Нда. *(Пауза.)* Вот что, вот что, парень... Ты пожалуйста, пойми меня правильно... Ты приходи ко мне, давай, а? Всегда приходи, а? Можешь даже жить у

меня остаться, если тебе негде, а? Я устрою, с женой договорюсь... У меня места много, можешь, пожалуйста... И, чтоб сомнений бы у тебя не было бы или еще чего-то там, я тебе вот... ключи от квартиры. Тебе - от квартиры, понимаешь? Это - верхний замок, а вот этот - нижний замок, понял? А? Ты давай, давай, держи их, ключи эти, держи, давай, ну? Ты... ты вот посиди тут пока, а я в ванную, на минутку только... Я лицо ополосну... Ты посиди еще... Ладно? Чаю попьем еще с тобой, посиди, я сейчас...

МАТВЕЙ быстро идет в ванную комнату, бормочет какие-то слова, закрывает дверь. Открыл кран. Шумит вода.

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ сидит на табуретке, осматривает комнату, усмехается.

ЮРИЙ. *(Гоголю.)* Эк ты своему другу насолил, а, дядя? Даже через столько лет мандраж колотит, успокоиться не можешь. Чует кошка, чье мясо съела... Скотина ты, скотина долбаная... Свинья ты препорядочная... И ни черта-то ты в жизни не просек до сих пор, только строишь из себя... *(Подкинул ключи на ладони, поймал их, спрятал в карман. Гоголю:)* Ага. Чаю, говорит, попьем. Нельзя много чаю пить. Обсикаться можно - это раз. А во-вторых, случай вот такой был: один мальчик пил горячий чай, а у него пузырик мочевого лопнул и мальчик горячим чаем ножки себе обжег... Ага? Обжег и все... Скотина. А я вот обжигаться с тобой не хочу... Не желаю... Ну, что, пойдешь с дядей? Раз ты золотой, то лезь в карман, ну?

Сует бюст в карман штанов. Не выходит. Подкидывая «Гоголя» на ладони, смеясь, ЮРИЙ быстро прошел мимо ванной в коридор. Оттуда заглянул в большую комнату. Прошел в спальню. Открыл какую-то вазочку, нашел сережки, кольцо. Усмехаясь, положил в карман. Быстро вышел с коридор. Куртку свернул, сунул под мышку. Натянул на себя кожаное пальто. Все действия проделывал быстро, весело, легко.

(веселым шепотом.) Посиди-ка без кожи, дядя...

Выскочил на лестничную площадку, осторожно закрыл дверь, исчез.

МАТВЕЙ вышел из ванной, пошел на кухню.

МАТВЕЙ. Я уже в порядке! Все - хоккей!

Оглядывается. Заглянул в туалет, потом зачем-то в холодильник. Перепуганно озирается.

Послушай, где ты? Эй! Парень! Вылезай давай, ну?!

Обыскал все. Быстро пошел в прихожую. Выскочил на лестницу. Рванул назад, чтобы одеться. Ищет на вешалке пальто. Идет на кухню. Нету. Дошло. Сообразил, что к чему. Сел на пол в прихожей.

Обчистил... *(Молчит.)* Дурак... Он же просто воришка... Маленький воришка, по ночам лазит... *(Молчит.)* Может, не было никого? *(Пауза.)* Нет, был... Чашки на кухне стоят... «Кожу» спер... *(Смеётся.)* Был... Был... *(Плачет.)* Снял с меня кожу, мерзавец... Снял кожу... Обыкновенный воришка... Молодой красивый вор... *(Молчит.)* Господи, как стыдно, как стыдно! Что я ему тут наговорил? Зачем?! Господи, Господи!... Какой кошмар... Зачем я это сделал, зачем... *(Молчит.)* Нет. Нет. Нет. Нет. Он был. Был. Он приходил сегодня. Это - был он. Он позвал меня. Мне не приснилось. Нет. Нет. Нет. Он был... Был. Он позвал...

Спокойно и сосредоточенно поднимается, находит в кладовке веревку, что-то бормочет, идет в гостиную, встает на стул, делает петлю, забрасывает на крюк.

Тряпка, которой закрыто огромное до потолка зеркало падает и МАТВЕЙ видит в полумраке свое отражение. Долго смотрит в зеркало. Не двигается.

Молчит. Плачет.

Ключ в замке входной двери поворачивается, МАТВЕЙ не реагирует. На пороге появляется женщина с огромными сумками в руках. Пыхтя, ставит их на пол в прихожей. Садится на стул у двери. Тяжело дышит. Достает из сумки сигарету, чиркает спичкой.

Закуривает. Тупо смотрит в одну точку. Не двигается.

ТЕМНОТА

Конец первого действия

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Та же квартира на следующий день. Вернее, уже ночь. Ремонт в квартире не двигается. МАТВЕЙ сидит на кухне. Горит настольная лампа. МАТВЕЙ курит.

В замке входной двери поворачивается ключ. Осторожно входит ЮРИЙ. Одет все так же - курточка на рыбьем меху. Как-то он веселее стал, развязнее, что ли. Другой человек.

МАТВЕЙ. *(встал из-за стола, идет в прихожую.)* Что рано?

Увидел Юрия. Молчит.

ЮРИЙ. *(прислонился к косяку, смеется.)* Здрасьте! Это - я!

МАТВЕЙ. Как ты сюда попал?

ЮРИЙ. Не грубите, не грубите... Вот, здрастье. Как попал! Сами же вчера ключи от квартирки вашей дали, сказали, чтоб не забывал вас, чтоб навещал почаще... Никто не забыт и ничти не забыто! Ага? Вот я и пришел... Ну? *(Пауза.)*

МАТВЕЙ. Какая наглость. Какая удивительная наглость. Удивительнейшая просто. Отвратительная и гнусная. Не стыдно?

ЮРИЙ. Ну вот! Ну вот! Ну вот! *(Смеется.)*

МАТВЕЙ. Вызвать милицию?

ЮРИЙ. Ай-яй-яй! Что-то вы сегодня неласковы со мной, грубы, сердиты... Ай-яй-яй! Что же это такое, а?

ЮРИЙ, усмехаясь, смотрит на Матвея, курит.

МАТВЕЙ. Напрашиваешься, смотрю... Уходи или вызову. Сейчас же, ну?

ЮРИЙ. Не нукайте, не нукайте, не надо, не люблю...

МАТВЕЙ. Кому сказал?

ЮРИЙ. Да, грубы вы сегодня, грубы... А с чего бы это вдруг? Нет, давайте разберемся спокойно, поговорим по-хорошему, с чего вдруг, а? Вчера вот вы совсем другой были. Руки жали. Руки мне жали. *(Поет.)* «Руки жала! Провожала-а-а! Провожала-а-а!»! И что за перемена вдруг? А?

МАТВЕЙ. Ты напирялся, что ли?

ЮРИЙ. Какие слова нехорошие, скользкие... Фу! Фу! Понял! Все ясно. Сегодня уже двадцать лет и один день со дня смерти вашего незабвенного друга! И, стало быть, теперь все иначе! Вчера у вас было минорное настроение, слезы текли, сопли до пола...

МАТВЕЙ. Помолчал бы...

ЮРИЙ. Понятно. Сегодня я вам уже не напоминаю вашего друга? Да? Нет, не напоминаю?

МАТВЕЙ. Ты мне его и не напоминал. А ну - пусти к телефону. Я сдам тебя в милицию.

ЮРИЙ. *(Весело.)* А у меня ножик в кармане.

Пауза. Стоят друг против друга.

Ну? *(Смеётся.)* Сегодня я вам уже не напоминаю вашего друга? Нет? Не напоминаю? Посмотрите внимательнее, ну? Нет? Не похож? А если так? В профиль? Нет? А так? А так?

МАТВЕЙ. *(помолчал.)* Он был умнее тебя. Во много раз. Это первое. Во-вторых, он был честным человеком. А ты - вор. Обыкновенный воришка. Молодой преступник. Ворюга даже. Отдай сейчас же ключи и убирайся по-добру, по-здорову... Слышишь?

ЮРИЙ. Не глухой.

МАТВЕЙ. Я сказал - убирайся.

ЮРИЙ. Ага. Как же. Сейчас.

МАТВЕЙ. Ворюга. Вор. Воришка.

ЮРИЙ. Это еще надо разобраться, кто из нас - ворюга.

МАТВЕЙ. Не стыдно?

ЮРИЙ. Ой, стыдно. Ой, стесняюсь.

МАТВЕЙ. Бессовестный ты.

ЮРИЙ. Ага, как же.

МАТВЕЙ. Не агакай.

ЮРИЙ. Нет, буду агакать.

МАТВЕЙ. Я вообще никого и ничего не боюсь. Понял?

ЮРИЙ. *(Смеётся.)* Понял на понял не бери, понял? Ну да, не боишься.

МАТВЕЙ. Нет, не боюсь.

ЮРИЙ. Да ладно целку-то из себя строить. Боюсь - не боюсь... Я же тебя давно раскусил, в момент... В твои игры играть не хотел просто... Всего тебя до донышка увидел. Все ведь твои звездочки заблестели, не спрячешься...

МАТВЕЙ. А что же ты пришел?

ЮРИЙ. Да потому и пришел. Потому что все понял.

МАТВЕЙ. Ничего ты, дурило, не понял.

ЮРИЙ. Сам ты дурило.

МАТВЕЙ. И не сможешь понять. Ничего никогда в жизни понять не сможешь. Ворюга. И дурак к тому же. Набитый. Сволочь порядочная.

ЮРИЙ. Я сволочь? Я дурак?

МАТВЕЙ. Ты сволочь и ты дурак.

ЮРИЙ. А хочешь, я тебе в два приема докажу, что это ты сволочь и ты дурак. Хочешь?

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ. Не наглей. Не наглей, друг. Не наглей, слышишь? Ну, люди... Ну, люди, сволочи какие... Ведь надо же, а? Ну, люди... Какие же вы свиньи... Как же вы все не понимаете к себе хорошего отношения, а? Вот, если хорошо к кому начнешь относиться, так вы уже готовы на шею сесть и ножки свесить...

ЮРИЙ. *(Смеётся.)* Ага.

МАТВЕЙ. Думают - ты слабее, потому так к ним относишься. И потому им надо тебя обязательно унижить, придавить, прижать...

ЮРИЙ. Ты не обобщай, не обобщай...

МАТВЕЙ. Да, да, да! Обязательно унижить!

ЮРИЙ. Очень мне надо - унижать тебя... Просто я все с тобой понял, понимаешь? Понял! По-нял!

МАТВЕЙ. Понял ты, понял. Понял. Чем старик старуху донял. В огороде, в борозде, толстой палкой по звезде... Ага.

ЮРИЙ. Да, понял!

МАТВЕЙ. Не ори. Ничего ты не понял.

ЮРИЙ. А я говорю - понял.

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ. Дурак ты, больше никто...

ЮРИЙ. Да это ты дурак, ты.

МАТВЕЙ. Нет, ты дурак. Ты.

ЮРИЙ. Ты дурак.

МАТВЕЙ. Ты дурак.

ЮРИЙ. Ты, ты, ты дурак!

МАТВЕЙ. Ты дурак, ты.

ЮРИЙ. Ты дурак.

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ. Вынь руки из карманов. Ну?!

ЮРИЙ. А говоришь - не трус.

МАТВЕЙ. Конечно, не трус. Не трус. Уж не боюсь тебя-то. Не боюсь тебя, дурака.

ЮРИЙ. Да нет, дурак-то среди нас - ты. Ты дурак! *(Смеётся.)*

МАТВЕЙ. Нет, дурак - ты.

ЮРИЙ. Да ты, ты, ты - успокойся.

МАТВЕЙ. А я говорю - ты.

ЮРИЙ. А я говорю - ты.

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ. Я сказал: вынь руки из карманов!

ЮРИЙ. Трус! Какой трус!

МАТВЕЙ. Нет, не трус.

ЮРИЙ. Да пошутил я, пошутил! На, на, на! *(Машет руками в воздухе.)* Нету у меня ничего, нету! Зачем мне нож? Да ты мне сам все отдашь, если мне понадобится... Вот так. Да мне от тебя ничего не надо, дядя. Дя-дя! Дяденька Матвей... Ну и имя! Матвей-держи-бодрей!

Пауза.

МАТВЕЙ. А Гоголя зачем спер?

ЮРИЙ. Не спер, а взял. Потому что он золотой, сказал

МАТВЕЙ. Ну, дурак! Ну, дурак! Господи, какой дурак!

ЮРИЙ. Сам ты дурак.

МАТВЕЙ. Ты дурак! Ты!

ЮРИЙ. Да не я, а ты дурак. Дурило! Дурак!

МАТВЕЙ. Да ты дурак, ты, ты, ты дурак!

ЮРИЙ. Ты, ты, ты, ты, ты!

МАТВЕЙ. ТЫ, ТЫ, ТЫ, ТЫ, ТЫ, ТЫ!

Схватились друг с другом, борются, пыхтят.

ЮРИЙ. Ты дурак, признавайся! Ты дурак! Ты дурак! Ты!

МАТВЕЙ. Ты! Ты! Ты! Ты дурак! Ты дурак! Ты дурак!

Долго барахтаются друг с другом. Разлетелись, наконец, в разные углы прихожей. Стоят, надулись, $\dot{I}\dot{O}\hat{I}\dot{+}\dot{U}$, пыхтят.

ЮРИЙ. Ну, дурак какой, а? Дурило долбаное, чеканутый кретин... Синяков понаставил, дятел...

МАТВЕЙ. Дятел долбаный. Чеканутый сам, понял? Понял, дурило?

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. Сам ты дятел, понял?

МАТВЕЙ. Нет, ты дятел, понял?

МОЛЧАНИЕ. Тяжело дышат.

Ишь ты, нежный какой! Синяков ему, дураку, наставили! Обойдешься!

ЮРИЙ. Дятел ты и не лечишься, понял? Ладно, ладно ты, испугал ты, смотри-ка! Отдам я тебе все, отдам! Деньги будут - верну, успокойся. Жадина. Надо было, вот и взял, чтоб с долгами расплатиться, понял? Не обеднел ты от этого. Егозишь, боишься. Да не беспокойся, понял?

МАТВЕЙ. Да я и не беспокоюсь, понял?

ЮРИЙ. *(помолчал.)* Ага. Не беспокоишься ты. Как же. Вижу я, вижу, как ты не беспокоишься! Вижу! Думаешь: чего приперся, чего надо, чего нарисовался, да? Думаешь, вымогательством тут с тобой буду заниматься, да?

МАТВЕЙ. Ничего я не думаю, успокойся!

ЮРИЙ. Не думаешь ты, не думаешь ты, ага... Да я пришел тебе спасибо сказать, вот так! Спасибо, дурак!

МАТВЕЙ. За вещички спасибо, что ли? Да не за что! Дурак ты долбанный, понял, нет?

ЮРИЙ. Да ты дурак, ты, ты!

МАТВЕЙ. *Ты, ты, ты!*

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. Нет, не за вещички.

МАТВЕЙ. Ладно, мальчик, хватит болтать, ступай в свой детсад...

ЮРИЙ. Ой, остроумный дурак, ой, дурак какой! Мне нечего болтать, придуриваться! Спасибо тебе, дядя Матвей, что помог мне в будущее заглянуть... *(Пауза.)* Понял? Ничего ты не понял и не поймешь никогда, дурак!

МАТВЕЙ. Ладно. Не мели. Не мели мне тут. Сам ты дурак.

ЮРИЙ. Не нравится мне это будущее. Понял?

МАТВЕЙ. *(привел себя в порядок, отряхнулся.)* Хватит дурочку ломать передо мной.

ЮРИЙ. Сам ты дурочка. Ничего, скоро поймешь, кто из нас дурак.

ЮРИЙ снял куртку. Повесил ее. Посмотрел на себя в зеркало. Пригладил волосы. Повернулся.

МАТВЕЙ не двигается, смотрит на Юрия.

Жена скоро придет?

МАТВЕЙ. Не знаю.

ЮРИЙ. Ну и что? Стоим, стоим. Самотык будто стоим. Памятник Гоголю. Пойдем, побазарим. В ногах правды нет. Ну?

МАТВЕЙ. Пошли.

Пошли на кухню. Сели друг против друга, на прежние места. Молчат.

ЮРИЙ. Вот. Другое дело. Начнем переговоры. Мирным путем. Выпить нечего?

МАТВЕЙ. Есть.

ЮРИЙ. Доставай, если есть. Чего всухую-то? Смазать надо.

МАТВЕЙ. Зачем смазывать?

ЮРИЙ. Да ладно, ладно ты, не жадничай, буржуй. Доставай. Пусть вся декорация будет, как вчера. Ну?

МАТВЕЙ открыл холодильник, достал бутылку, рюмки. Разлил водку.

Ну вот, нормально теперь. Что, по маленькой?

Выпили молча. ЮРИЙ ест.

МАТВЕЙ смотрит на него. ЮРИЙ ест уверенно, как дома. Наткнулся на взгляд Матвея. Остановил челюсти, отодвинул тарелки.

ЮРИЙ. Чего ты смотришь?

МАТВЕЙ. Ешь, ешь. Ничего. Так просто.

ЮРИЙ. Нет, серьезно?

МАТВЕЙ. Да нет, нет, ничего. Всё в порядке.

ЮРИЙ. Точно?

МАТВЕЙ. Да точно, точно. Ешь. Ешь.

ЮРИЙ снова принимается за еду. Отложил вилку. Сел, нога на ногу, закурил.

Смотрит на Матвея.

ЮРИЙ. Ну, что, начнем, пожалуй?

МАТВЕЙ. Чего начинать?

ЮРИЙ. Исповедь!

МАТВЕЙ. Ладно болтать тебе.

ЮРИЙ. Слушай, что скажу тебе. Помнишь, ты вчера спросил меня - кто я?

МАТВЕЙ. Я пошутил.

ЮРИЙ. Нет, ты спросил!

МАТВЕЙ. Теперь я знаю.

ЮРИЙ. Ага, теперь ты знаешь.

МАТВЕЙ. Конечно, знаю.

ЮРИЙ. Да ни черта ты не знаешь.

МАТВЕЙ. Да знаю, знаю я. Вор ты. Ворюга. Знаю. К стенке надо ставить таких, как ты.

ЮРИЙ. Ну, это еще открытый вопрос, кто ворует. Разобраться надо. Поставить на голосование.

МАТВЕЙ. Да и голосовать нечего - все ясно.

ЮРИЙ. Не ясно тебе ничего.

МАТВЕЙ. Да ясно, ясно.

ЮРИЙ. Я вот скажу тебе сейчас что-то - со стула упадешь.

МАТВЕЙ. Не упаду.

ЮРИЙ. Упадешь, упадешь...

МАТВЕЙ. Не упаду, сказал, не бойся.

ЮРИЙ. Да боишься, боишься.

МАТВЕЙ. Чего я боюсь?

ЮРИЙ. Со стула упасть боишься.

МАТВЕЙ. Да ладно, успокойся, не упаду.

ЮРИЙ. Упадешь.

МАТВЕЙ. Не упаду, не упаду.

ЮРИЙ. Сейчас проверим.

МАТВЕЙ. И проверять нечего.

ЮРИЙ. Ну, давай, спроси меня: кто ты? Ну, спроси?

МАТВЕЙ. Я что тебе - дурак, что ли, спрашивать?

ЮРИЙ. А то не дурак?

МАТВЕЙ. Ну, ладно, завянь. Надоел. Ешь вон, пей и... хватит.

ЮРИЙ. Ну, спроси, что тебе - стрёмно, что ли? Спроси, ну?

МАТВЕЙ. Да не буду я ничего у тебя спрашивать, пристал. Понял я уже все. Нечего тут...

ЮРИЙ. Ну, спроси, чего же ты? Спроси, как вчера спросил: «Кто ты? « Ну?

МАТВЕЙ. Отстань, сказал.

ЮРИЙ. Ну, ну? «Кто ты? «Ну?

МАТВЕЙ. Ну, ну, ну. Кто ты, ну.

ЮРИЙ. Упадешь ведь сейчас.

МАТВЕЙ. Не упаду, не бойся.

ЮРИЙ встал, подошел к окну, посмотрел в темноту.

ЮРИЙ. Матвей, послушай меня внимательно. Очень прошу тебя меня выслушать... Я знаю, ты не поверишь мне! Матвей, я - Юрий... Да, да, тот самый Юрий! Твой Юра... Тот самый, который умер на твоих руках двадцать лет назад... Ну? Ты помнишь меня? Ты давно уже все понял, понял, что это - я? Ты понял, понял?!

МАТВЕЙ. Самому не надоело бред нести?

ЮРИЙ. Послушай, Матвей, послушай меня, не перебивай, прошу тебя, послушай! Матвей, дорогой мой Матвей, дорогой Матвей...

МАТВЕЙ. Хватит, хватит, хватит! Вон уже... времени сколько вон...

ЮРИЙ. Постой, постой, постой, Матвей! Стой, не торопись так, не надо, не спеши, не надо, не надо! Время уйдет и ничего не вернешь, ничего, ничегошеньки... Не торопись на поворотах, Матвей, не спеши... Да, да, да! Я тот самый Юра, твой Юра... Все то же самое, то же, то же... Та же квартира, такой же вечер, те же звезды за окном, все то же, то же... Только ты постарел на двадцать лет, а я остался прежним...

МАТВЕЙ. Хватит придумывать глупости... Ну?!

ЮРИЙ. Не веришь? Ну, что же... Ладно... Сейчас я докажу тебе, что я - это я... И сделаю я очень простую штуку. Расскажу тебе, как мы жили, что мы делали тогда, все, что было. Ну? Тогда ты согласишься, что я живой человек, а не привидение, что я - тот самый Юра. Я расскажу тебе то, что знаем только мы вдвоем.

Пауза. МАТВЕЙ разливает по рюмкам водку.

МАТВЕЙ. Пей вон. Пей давай. И успокойся. Сядь. Сиди.

ЮРИЙ. Чего ты так испугался? Никого нет. Никто не слышит. Трусись всю жизнь... Хватит.

МАТВЕЙ. Помолчи, помолчи... Ничего ты знать не можешь ни о нем, ни обо мне. Трусись! Ладно, артист из фильма «Опасные гости», давай, давай - пей, ешь, пока дают и не морочь мне голову. Хватит!!!

ЮРИЙ. И о тебе и обо мне я знаю все. Все до капельки. До последней секундочки. Ну? Итак. Хочешь, расскажу тебе сейчас, как мы познакомились? Ты помнишь тот день?

МАТВЕЙ. Я все прекрасно помню. Но это не твое собачье дело. Пей, сказал я тебе, и помалкивай!!!!.

ЮРИЙ. Нет, я хочу вспомнить, как все было, как мы с тобой познакомились!

МАТВЕЙ. (зло.) Ну, давай, давай, вспоминай, давай, ну?!

ЮРИЙ смеется.

ЮРИЙ. Итак, какого это было числа?

МАТВЕЙ. Двадцать третьего марта! Ну?! Ну?! Ну?! Ну?!

ЮРИЙ. Правильно! Итак, двадцать третье марта двадцать один год назад! Я помню тот день! Отлично помню его! Стояла весна! Грязные улицы! Фонари! Поздняя ночь! Да, фонари блестели в замерзших лужах, под ногами хрустел лед! Что-то такое в воздухе носилось немыслимое, невероятное, пахло озоном, что ли, будило кровь, песни хотелось орать, веселиться, радоваться, танцевать! Да, да, так было двадцать один год назад! Так было... И мы! С тобой! Стояли! На углу Восьмого Марта и Ленина! Стояли, и никого народу! На всем белом свете!! Пустой город, никогошеньки! Вот-вот должны были потушить на улицах свет! Все спят, дрыхнут, а мы - веселые, радостные, пьяные, счастливые! Пустой город, вымер, только мы вдвоем! Ты все смотрел на меня и хохотал, а

уж мне - только палец покажи - умру со смеху! У кого мы тогда были в гостях? Не помню, зараза! У кого-то были! Вышли оттуда вдвоем. Моя общага - в одном конце города, твоя замечательная квартира, вот эти хоромы - в другом. В этих хоромах я никогда не был... Ты - в джинсах, а у меня - нет джинсов, так? Тогда только-только в моду входили джинсы, докатилось да нашей провинции, ты - первый купил, ты - богатенький был, а я - голь перекатная, крыса церковная! Потому что у меня нет такой замечательной мамы, как у тебя! *(Пауза.)* О, у тебя была замечательная мама! Великолепная мама! Изумительная мама! Ведь это все твои слова, так? О, какая у тебя была мама! Я ее до сих пор помню, до сих пор не забыл, потому что ненавижу ее со всей душой своей, лицо ее помню, волосинку в родинке над губой помню, и ненавижу, все ненавижу... Точно так же, как она ненавидела меня! Ни больше, ни меньше! Ни меньше... Итак, ты был в джинсах, а я в каких-то позорных полосатых, клетчатых штанах! И хотя я и завидовал твоим штанам, какое все это имело значение?! Нам было весело, мы были пьяные, нам было в разные стороны! Аб-со-лют-но в разные! *(Смеется.)* Мы ловили и ловили машину, а ее все не было и не было! Ничего и никого не было на белом свете, в пустом городе, освещенном желтыми фонарями. Только ты, ты, ты, красивый парень с красивым именем Матвей и я - обычный парень с обычным именем Юрий! Итак, мы были вдвоем и больше ни одной живой души... *(Пауза.)* Ну?!

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ. *(тихо.)* Покажи мне паспорт?

ЮРИЙ. Зачем, зачем тебе мой паспорт?

МАТВЕЙ. Покажи мне паспорт...

ЮРИЙ. Поверишь бумажке, а мне - нет? Посмотри на меня... Видишь? Это я, я, я, я... Это я, Юра. Тот самый Юра, ну? Достань фотографию, сравни. Ты ведь ее далеко не спрячешь - достань...

МОЛЧАНИЕ. МАТВЕЙ смотрит на Юрия.

МАТВЕЙ. (Что было дальше? Что было дальше?

ЮРИЙ. Мы поймали машину - вот что было дальше.

МАТВЕЙ. *(кричит.)* Не машину! Не машину! Автобус! Автобус!

ЮРИЙ. *(смотрит в окно, смеется.)* Правильно, автобус. Маленький, тесный, грязный автобусик. Он ехал в парк. Кажется, «Пазик»... Шофёр курил в салоне, радио передавало позывные «Маяка», когда мы влезли в эту холодную коробку... Ровно два часа ночи. Фонари погасли. Ты крикнул шоферу свой адрес, я сел сзади, ты - на переднее сиденье...

МАТВЕЙ. *(торопливым шепотом.)* Нет, нет, Юра, нет... Ты забыл, забыл... Ты вспомни хорошенько. Ты сел впереди, а я - я сел сзади. В автобусе было темно, я видел только твою спину. Ты - ты сидел впереди!

ЮРИЙ. Какая разница... Главное - что потом...

МАТВЕЙ. *(быстро.)* Да, да, да! Потом что-то произошло со мной... Что - я и сам не знаю... Ты сидел впереди, а я сзади... Мы вдруг замолчали, хотя только что орали во всю глотку, замолчали, потому что фонари погасли, на улице стало темно... Ты сидел впереди, а я - сзади... Минуту проехали молча... Только радио что-то бормотало... И мне вдруг стало так одиноко, мне вдруг так захотелось прижаться к тебе, потому что автобус развозил нас, как совершенно чужих людей в разные стороны... Мне было страшно, страшно в черном, пустом, в жутком городе, в котором живут злые люди... в этом черном городе... и я... и я обнял тебя... У тебя на голове была клетчатая фуражка, очень смешная, она упала, на пол упала, мы так и оставили ее тому веселому шоферу, поднять было некогда, руки были заняты, руки были зажаты от страха: что мы делаем?! нельзя?! что мы делаем?!!!!

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. *(тихо, быстро.)* Мы приехали сюда. Легли спать. В твоей комнате. Сразу упали, как только разделись. Упали в темноте. Ты сказал мне тогда...

МАТВЕЙ. *(Шепчет.)* Нет, нет, не надо, не говори, Юра, я помню, нет, не надо, не надо, не надо...

ЮРИЙ. Через пятнадцать минут в комнату вошла мама. Мы, видно, разбудили ее своим приходом. Она на мгновение включила верхний свет, посмотрела на твою постель, на нас...

МАТВЕЙ. *(очень быстро.)* Мы были пьяные. Мы были очень, очень пьяные, мы бы никогда, никогда, никогда бы... Мы бы никогда, никогда бы, если бы не были пьяные... никогда...

ЮРИЙ. Она тотчас же погасила верхний свет и ушла.

МОЛЧАНИЕ.

Утром мы пили кофе. Чинно, благородно. Словно ничегошеньки не произошло. Улыбались друг другу, глядя бесстыдно в глаза. Вернее, не заглядывая в их глубину, а по поверхности плавали. Все трое не смотрели друг другу в глаза. Пили кофе именно здесь, на этой кухне. Мама сострила: «Третий лишний! « Я сидел на углу. «Семь лет не женитесь! « - снова пошутила она. Я улыбался. Третий лишний, да. Нож, вилка, салат, черный хлеб. Спасибо. Пожалуйста. Будьте добры. А потом - потом мне так захотелось взорвать это благородство вонючее. До ужаса захотелось. И потому я опустил руку вниз, под стол и что есть силы дернул за хвост кота, который жался к нашим ногам. Он заорал во всю плотку - бедный кот! - а я сделал вид, что ничего не произошло. Все так же улыбался. Нож, вилка, салат, черный хлеб, спасибо, пожалуйста. Мама смотрела на меня, как на пустое место. Мы оделись, вышли с тобой из подъезда. Ты утром стал совсем другой. Испуганный, трезвый, умный - мерзкий! Мы вышли из подъезда и как мыши кинулись в разные стороны, чтобы никогда в жизни не увидеться... И две недели - ни звука. Ни ты, ни я. Ну?!

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ. Я... Прошу тебя, прошу! Всем святым умоляю, что у нас с тобой было святого, скажи мне: кто ты? Кто ты такой, скажи?! Ведь я же не сплю, Юра, я же все соображаю, я не схожу с ума, ты не привидение, нет! Мы познакомились с тобой только вчера ночью, на улице, возле нагазина, только вчера... Скажи мне: кто ты? Кто ты? Кто ты? Если ты так развлекаешься, шутишь так, если ты... Не надо, прошу тебя... Кто ты? Что ты? Откуда ты?..

Пауза. ЮРИЙ смотрит на Матвея.

Ты, наверное, дьявол, черт, наваждение какое-нибудь... Да, да, да... Откуда ты взялся здесь? С того света не возвращаются... Ты не знаешь этого... Ты не можешь знать этого, понимаешь?! Об этом только мы вдвоем знали и больше никто, никто больше... Только мы... Откуда ты знаешь, откуда... Откуда ты явился, кто ты, что ты... кто, кто, кто, кто, кто...

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. Опять расплакался... Снова глаза на мокром месте... Эх, Матвей, Матвей... Не я ли тебе говорил всегда: держи бодрей! Как ты любил всегда поплакать, помучаться, головой об стенку побиться, чтоб пожалели бы тебя только, несчастного... Всегда такой бабой, такой Манюшкой был, и остался... Все над разбитой своей жизнью рыдал, над своим страшным своим влечением...

МАТВЕЙ. Тише, тише, тише... Нет, нет, нет...

ЮРИЙ... над тем, что мама нам с тобой не разрешает встречаться, что нету из этой жизни выхода, что все запуталось, перепуталось в твоей голове... Все время ныл... Ты и меня научил плакать. За компанию. Выпьем, обнимемся - и ревом, море разливанное! Нытик и трус...

МАТВЕЙ. *(плачет, смеется.)* А ты меня бил! Ты часто бил меня, помнишь?

ЮРИЙ. Да, я бил тебя. Жалея! Правильно делал. Учил. Правда, не на пользу пошло. Какой был, такой ты и остался. Зарабатывал, вот и получал на семечки...

МАТВЕЙ. *(хлюпает носом.)* А в тот раз, помнишь? Очень сильно ты меня побил... Помнишь, когда мама уехала на дачу...

ЮРИЙ. Ах, дача! Твоя с мамой дача... Сколько раз мы с тобой прятались там. Осенью собирали яблоки. Ночь, костер, в реке вода холодная, а мы при луне голые... И черные птицы над домом вечером, а рано утром скрипит у окна старая яблоня...

МАТВЕЙ. Да, да, старая яблоня. Ее уже давно нет. Давно... А в тот раз мама уехала на дачу и мы с тобой остались здесь, в квартире, была осень, помнишь? И ты сказал мне в тот вечер, что так больше жить нельзя, сказал, что надо порвать с жизнью, насовсем, нельзя жить во лжи... Ты уговорил меня. Мы решили умереть вместе. Не было сил жить. Взгляды, намеки, разговоры... Не было сил... Ты закрыл в квартире все двери, форточки, балкон... включил на кухне газ... мы легли в одежде на кровать... и ты так прижался ко мне, так прижался... Как котенок носом теплым уткнулся мне в плечо и сразу, мгновенно, уснул, засопел, уснул спокойным сном ребенка... Рот чуть-чуть приоткрыл и засопел... Шепнул мне, что там, на том свете, нам никто не будет мешать... Все бормотал что-то, засыпая, ругался с кем-то, ссорился... Тебе было двадцать два, мне столько же, мы были совсем дети... Ты уснул, а я все смотрел и смотрел на тебя... Я смотрел на твои губы, подернутые пленкой, потом прижал к ним палец, а ты не проснулся... Газ шипел, шипел... Я встал с кровати и выключил его. Открыл балкон, форточки. Снова лег рядом с тобой и уснул. Утром ты проснулся. Не открывая глаз, провел по моему лицу рукой, сказал легко и радостно: «Ну вот, мы и встретились...» Открыл глаза и долго смотрел в потолок, потом на меня... И когда все понял, стал бить меня... Как ты страшно кричал тогда, бил меня... Я думал, ты умрешь - так ты кричал...

ЮРИЙ курит. МАТВЕЙ сидит, закрыв лицо руками.

ЮРИЙ. Почему ты выключил газ? Вы ты же часто думал в душе: «Хорошо было бы, если бы он умер - и все, я свободен, клубок распутан, за старое - больше никогда в жизни, покой, счастье...» Ушел бы на улицу и все, ну?!

МАТВЕЙ. Неправда... Никогда я так не думал... Неправда!

ЮРИЙ. Трус, думал!

МАТВЕЙ. Неправда, нет...

ЮРИЙ. *(Молчит.)* Наверное, ты любил его. Но мыслишка подлая о его смерти иногда шевелилась на дне души. И он знал, что для тебя его смерть была бы выходом из положения. Ну, думал ты, убило бы его молнией, попал бы он под машину - чтоб красиво и чтоб ты здесь был бы не при чем...

МАТВЕЙ. Я любил его...

ЮРИЙ. Такая любовь была, что смерти ему желал... Он знал это. Да.

МАТВЕЙ. Нет, нет, нет, нет...

ЮРИЙ. Картинку за картинкой себе рисовал, ублажал душу свою, нытика: вот тебе сообщают о его смерти, вот ты несешься к месту происшествия, вот ты рыдаешь, никого не видя, и вместе с тем, видя всех, оценивая взгляды - как все смотрят на тебя, именно на тебя, как все жалеют тебя, и какое на душе твоей облегчение и горе - все намешано! Ведь только потому тебе и сны такие снились: будто бы я умер и все такое прочее. Ты убил меня, Матвей. Только тогда, в больнице, ты вдруг понял, что я значу в твоей жизни и что

станет с тобой, когда я умру. И вот я умер. Ты стал свободен. Что ты сделал в первую очередь? Ах, какая радость, отвел подозрения, женился - мол, нет, нет, я не голубой! Зачем ты женился?

МАТВЕЙ. Так надо было...

ЮРИЙ. Кому?

МАТВЕЙ. Надо было и все. Все женятся. На меня стали косо поглядывать...

ЮРИЙ. Спас репутацию. Это нужно было обществу и отечеству...

МАТВЕЙ. Маме нужно было. Она никак не могла забыть тебя и не могла простить мне...

ЮРИЙ. Она нашла невесту.

МАТВЕЙ. Да.

ЮРИЙ. Давно ты не спишь с нею?

МАТВЕЙ. Давно. Очень. Мы - друзья.

ЮРИЙ. Наши руки - не для скуки. И с тех пор - никого?

МАТВЕЙ. *(Торопливо.)* Нет, нет, нет! Никогда, никого, что ты... Я даже думать об этом боялся! Даже в мыслях себе такое... Никогда, нет, нет...

МОЛЧАНИЕ.

Я женился на женщине, которая меня никогда не любила. Она никого никогда не любила и не любит... Я думал о детях. Наверное, я смог бы. Она сказала, что дети - лысая мерзость, которую незачем держать в доме, незачем их рожать, потому что плодить нищету - незачем...

МОЛЧАНИЕ.

Как жалко, что ты умер... Как жалко... Нет, я не виноват в твоей смерти, нет... Как жалко. Все было бы иначе... Всё иначе..

Налил в рюмку, торопливо выпил. ЮРИЙ тоже. Пустую рюмку легонько стукнул о рюмку Матвея.

ЮРИЙ. А первый и последний, и единственный Новый год? Помнишь?

МАТВЕЙ. *(глядя в пол.)* Да, Новый год. Только один раз мы встречали Новый год...

ЮРИЙ. Вдвоем...

МАТВЕЙ. Вдвоем...

ЮРИЙ. Стояли свечи?

МАТВЕЙ. Свечи и шампанское... розы... Кф! красиво... А потом гадали. Глупые! Тебе кто-то сказал, что когда гадаешь, то нужно, чтобы на теле, в одежде не было бы ничего железного, и мы сняли с себя все, сидели голые, помнишь? Какие дураки... Написали на листочке буквы, поставили свечи... Фарфоровое блюдце ездило само собой... Я ругал тебя, говорил, что это ты толкаешь блюдце, а ты смеялся и говорил, что это я его толкаю, и мы хохотали, хохотали... А блюдце каталось и говорило странные, страшные вещи... «Что ждет нас в новом году?» - спросил ты, помнишь? И блюдце поехало, поехало и возле двух букв, только двух букв уткнулось отметиной...

ЮРИЙ. Каких?

МАТВЕЙ. «А» и «Д». Ад.

МОЛЧАНИЕ.

Послушай... Скажи мне - кто ты?

ЮРИЙ. Никто. Никто и ничто.

МАТВЕЙ. *(Молчит.)* Как жалко, что ты умер... Как жалко... Все было бы иначе... Зачем ты умер... Если бы начать все сначала... Все было бы не так, если бы можно было бы начать...

ЮРИЙ. Начни.

Пауза. МАТВЕЙ смотрит на Юрия. Долго и пристально.

МАТВЕЙ. Нет... Уже не получится... Сейчас - не получится...

МОЛЧАНИЕ.

ЮРИЙ. *(тихо, настойчиво.)* Начни. Прошу тебя, начни... Все сначала, Матвей... Начни, прошу тебя! Начни!

МОЛЧАНИЕ.

МАТВЕЙ. *(глядя в пол.)* Прошло двадцать лет... Ты - не он... Ты - не Юрий. Ты другой человек... И я другой. Его давно уже нет. Нельзя склеить разбитую чашку. Ты - не Юрий... Ничего нельзя начать сначала, начисто не перепишешь... черновик. Ничего... Все кончилось-кочилось, давным-давно... Ты не он... не он... *(Пауза.)* Кто ты? Откуда ты? Что ты?

Пауза.

ЮРИЙ. Кто я... Что я... Откуда я... Не знаю. Сам не знаю...

МАТВЕЙ. Все повторяется? У других -так же? Как у нас с тобой? Мы не одни? Все повторяется? У тебя с ним - тоже? Все сначала? Заново? Неужели потом все-все-все случается так же с другими? Все, все, все...

ЮРИЙ. Все повторяется. Все, все, все...

МАТВЕЙ. И черный город, и автобус?

ЮРИЙ. И мама, включившая свет...

МАТВЕЙ. И угол Бронной?

ЮРИЙ. И слезы..

МАТВЕЙ. И Новый год?

ЮРИЙ. И ад...

МАТВЕЙ. И ад...

ЮРИЙ. А смерть разная, всегда и у всех. Не повторяется. Она долго не приходит, когда просишь ее... Никак не наступит двадцать третье марта. И этот парк, где мне воткнули в живот нож, я никак не могу найти вход в этот парк... Куда-то надо идти, чтобы попасть в него, ввязаться в драку - удар в живот... нож. Все сроки прошли. Пора. Пора.

МАТВЕЙ. Нет. Надо жить, как угодно.

ЮРИЙ. Нельзя. Пора. Время уходит...

Подожел к газовой плите.

Включил все конфорки.

Шипит газ.

ЮРИЙ закрыл форточку.

Прикрыл дверь на кухню.

Сел напротив Матвея.

Шипит газ.

МОЛЧАНИЕ.

Голоса Матвея и Юрия звенят в полумраке комнаты.

МАТВЕЙ. Кто ты? Откуда ты? Что ты? Кто ты - скажи?

ЮРИЙ. Я - Матвей...

МАТВЕЙ. А кто я? Кто жил вместо Матвея? Кто я?

ЮРИЙ. Ты - Юрий... Ты мой Юрий... (*Шипит газ.*) Мы хотели умереть с тобой в один день, в один час, но случилось иначе.. Сначала умер ты, а потом - я... Ты умер и лежал в земле, а я жил, ходил по земле, хотя обещал тебе, что не смогу без тебя и глотка вздохнуть...

МАТВЕЙ. Да, да, ты обещал мне, что не сможешь жить без меня...

ЮРИЙ. Я тоже умер... Я умер сразу же... Как только ты закрыл глаза, я умер... Я сразу умер... А ты был живой. Я помню. У тебя была теплая рука. Нет. Горячая рука... Горячая рука живого человека...

МАТВЕЙ. Дай мне руку... Скорее дай мне руку... Дай мне руку... Скорее руку...

Шипит газ.

ЮРИЙ. Не бойся... Ничего не бойся... Не страшно... Совсем не страшно... Держись за меня... Я рядом... Главное, ничего не бойся, не надо... Это быстро, очень быстро... Очень скоро... Очень скоро, скоро, скоро...

Шипит газ. Они сидят за кухонным столом, полумрак сгущается и сгущается. МАТВЕЙ и ЮРИЙ протянули друг другу руки и сжали их так крепко, словно решили не расставаться вечно...

МАТВЕЙ. Ты не боишься? Нет? Не боишься? Нет? Не боишься?

ЮРИЙ. Нет, нет, нет, не боюсь...

МАТВЕЙ. Правильно, не надо бояться... Я рядом! Это надо было сделать давно, давно! Давным-давно нужно было включить газ, сделать именно это... Нельзя жить кое-как... Еще немножко... Как хорошо, что ты сделал это... Я никогда бы не решился, никогда бы... Совсем чуть-чуть... Еще немножко потерпеть - и смерть...

ЮРИЙ. Твоя жена... она помешает... она придет сейчас...

МАТВЕЙ. Нет, не успеет... никто не помешает нам на этот раз, никто...

Шипит газ.

Пойдем на пол... Пойдем на пол... Ляжем, как тогда... Все повторится... Быстрее на пол... Прижмись ко мне, как тогда, в тот раз и усни... Спи, мой котенок, я смотрю на тебя... Прижмись ко мне... там - мы начнем все сначала... все сначала...

Не разжимая рук, они сползают на пол, прижимаются друг к другу.

Спи... спи скорее, Юра... Никто не помешает нам... Спи, Юра, спи, спи, спи...

ЮРИЙ. Мне стало страшно... Я боюсь... я боюсь... Мне страшно!

МАТВЕЙ. Нет, не надо, не бойся... Ты тогда не боялся, не бойся и сегодня... это выход... выход... это свет, свет...

ЮРИЙ. Мне страшно...

МАТВЕЙ. Не бойся... не надо... я рядом... всегда буду рядом... прижмись, как тогда... Все будет, как тогда... Будет свет, будет солнце, будет снег, будут фонари, будут желтые листья в черной воде, все будет, все повторится... Все должно повториться... обязательно повториться... Любимый мой, любимый мой человек... человек...

Они прижимаются друг к другу крепче и крепче, словно завязываются в тугий узел.

Шипит газ.

Тишина.

В замке входной двери поворачивается ключ.

Открывается дверь. На пороге появляется усталая женщина с огромными сумками в руках. Пыхтя, ставит сумки на пол. Садится на стул у двери. Тяжело дышит. Достает сигареты и спички. Тупо смотрит в пол. Не двигается.

Вскакивает, бежит на кухню.

Выключает газ.

Рвет на себя раму, распахивает окно.

Темное небо за окном, звезды.

Она хватается за грудки Матвея, лежащего без сознания на полу, садит на стул, несколько раз бьет его ладонями по щекам. Плачет, что-то причитает. Стоит у окна, смотрит на улицу.

МАТВЕЙ озирается.

На кухне - двое. Он и Она.

Больше нет никого.

Не было.

И не будет.

*ТЕМНОТА
ЗАНАВЕС*

КОНЕЦ

*г. Свердловск
декабрь 1989 года*